

БОРИС АКУНИН: «ТАК ВЕСЕЛЕЕ МНЕ И ИНТЕРЕСНЕЕ ВЗЫСКАТЕЛЬНОМУ ЧИТАТЕЛЮ...»

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Мешают тени Достоевского и Лескова?

— Вокруг этой темы много теней — еще и Толстого, и Чехова, и это замечательные тени, среди них мне совсем не страшно. Тени великой русской литературы — вообще лучшее, что есть у России. Мне кажется, сейчас как раз самое время к ним вернуться. Можно обнаружить вещи совсем неожиданные...

— В новом романе про бомбистов-террористов нет ли персонажа по фамилии Бакунин?

— Нет. Во-первых, Бакунин не был бомбистом, во-вторых, Б. Акунин не имеет к Бакунину никакого отношения. Смысл псевдонима совсем в другом. Так же как и фамилия Фандорин не имеет отношения к тому Фандору, который сражался с Фантомасом.

— А мы-то думали, что здесь игра контраста между «анархической» фамилией автора и консервативным верноподданничеством персонажа...

— Дело не в консервативности. Как я понимаю Фандорина — а я не всегда его понимаю, — это человек, который живет в мире, наполненном хаосом, и пытается в этом мире упорядочить, организовать пространство, хотя бы расположенное непосредственно вокруг него. Он красивый человек, при том что не идеальный. У него есть и черты, которые меня раздражают, но его благородная сдержанность мне очень импонирует.

— Что же означает «Акунин» и «Фандорин»?

— Не скажу.

— Будет кино про Фандорина?

— Переговоры идут с «НТВ-профит». Трудность в том, что мне не все равно, кто будет ставить фильм и кто — играть главных героев.

— У вас есть желанный режиссер?

— С Масленниковым было бы неплохо, он чувствует эпоху. Мне нравятся некоторые фильмы из его конан-дойлевской серии, особенно первый, где Холмс и Ватсон боксируют...

— Вы уже знаете, что Эраст Фандорин будет делать в 1905 году, в 1917 году?

— Знаю. Но он человек такой опасной профессии, что может взять да и погибнуть раньше, чем я планирую.

— И тогда...

— И тогда... Я сейчас начинаю вторую серию, параллельную фандоринской. Новым сыщиком станет женщина, монашка, сестра Пелагия, рыжеволосая и очкастая. Она будет пользоваться совсем иными методами, чем Фандорин, хотя живет примерно в то же время. Дело будет происходить в провинциальной глуши... И это еще не все. Я написал пьесу с хорошим названием «Чайка». Все те же персонажи, только действие начинается с того момента, где Чехов ставит точку. Поскольку пьесу написал Акунин, выясняется, что Треплев не застрелился, его убили...

— Говорят, вы насквозь цитируете...

— Когда я сочиняю — не задумываюсь, почему слова составляются именно таким образом; потому что если ты прочитал много книжек и если ты хоть сколько-то чувствуешь слово, —

то все это в тебе уже есть. С другой стороны, у меня, конечно, есть математический расчет, и довольно замысловатый, многослойный. Скажем, есть слой исторических шуток и загадок. Есть слой намеренных литературных цитат — так веселее мне и интереснее взыскательному читателю.

— На первых изданиях ваша серия была обозначена как «стильный детектив», теперь появилась надпись «новый детектив».

— «Стильный» — мне не нравилось. А тексты серии об Эрасте Фандорине — это действительно для русской литературы нечто новое. Оно же хорошо забытое старое, на что и указывает «ер». Очень надеюсь на то, что лыжню, которую я сейчас прокладываю, не засыплет снегом, что другие профессиональные литераторы двинутся тем же путем и мы вместе построим заветливое сооружение под названием «новая русская беллетристика».

— Но экологическую нишу вы забили собой, своим проектом, где учтены буквально все жанры...

— Средний читающий человек прочитывает за год около сорока развлекательных романов. Столько мне, увы, не написать, как бы я ни старался. В эту «экологическую нишу» поместится как минимум еще полтора десятка беллетристов. Да и необязательно писать детективы, это может быть фантастика, авантурный роман. Например, интересно было бы посмотреть, что сегодня сделал бы хороший профессионал с жанром семейной саги.

— Не вытеснил Борис Акунин переводчика Чхартшвили?

— Вытеснил. И я об этом не жалею. Борис Акунин для меня — новая увлекательная игрушка, в которую я еще не скоро наиграюсь.

— Игрушка — вы сами? Вы сами себе новая игрушка?

— Не совсем я сам. Борис Акунин и Григорий Чхартшвили — это не один и тот же человек. На мне сейчас очки Акунина, а когда я Чхартшвили, я надеваю другие очки.

— Вы принимаете какое-либо участие в «Обществе друзей Эраста Фандорина» в Интернете?

— Мне об этом обществе ничего не известно. У меня — Григория Чхартшвили — свои друзья. У Акунина могут быть свои. Я знаю, что в скором времени появится фандоринский сайт, там будут тексты, тесты, игры.

— И будем всем миром играть в Фандорина... Ваш грандиозный проект не предполагает «фабрики» — как у Незнанского, например?

— Негров у меня нет. И вообще я такой графоман, что вполне сам со всем справляюсь...

— Что происходит в журнале «Иностранная литература»? Понятно, что нет денег, понятно, что запас текстов неисчерпаем, но все-таки — где любимые маленькие книжечки из «Библиотеки» журнала?

— Как раз на следующей неделе увидите. «Библиотечку «Иностранной литературы» мы возродили, но она теперь будет лучше: это будет покет-бук в твердой обложке.

Беседовала
Анна ВЕРБИЕВА